

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2020.2.10

За что они борются? Социокультурные аспекты экологических движений

Н. С. ГАЛУШИНА

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается вопрос явных (связанных с понятием «природа») и неявных (имеющих социополитическое или культурное основание) требований экологических движений. В целом существующие движения базируются на характерном для европейской культуры Нового времени представлении о природе в его «просветительской» и «романтической» версиях.

Наиболее ранней является природоохранная форма энвайронментализма как прямое отражение просветительской модели природы. Природоохранная парадигма носит консервативный характер и ориентируется на традиционные практики и идею сохранения, сбережения природы.

Сложившийся в XX в. реформаторский энвайронментализм основывается на сходном восприятии природы, однако ставит вопрос о социальных аспектах экологического кризиса, формулирует требования экологической справедливости и равенства. Цели и стратегии в реформаторском энвайронментализме не являются гомогенными и зависят от групп участников. Институты придерживаются стратегии минимизации рисков, в том числе экономических, ориентируются на научный дискурс и политические действия. Активисты участвуют в пересмотре культурных моделей и связанных с ними социально-политических оснований (критика индустриализма, глобализма и неолиберализма). Локальные низовые инициативы ориентированы на решение конкретных проблем, угрожающих благополучию граждан. Внутри экологических движений вырабатываются новые ценности, идеологические модели и практики, становящиеся основанием личной и коллективной идентичности участников.

В статье формулируется вывод о том, что основные особенности экологических движений определяются не исключительно заботой о природе, а более глубокими конфликтами — классово-экономическим, социальным, поколенческим или культурным. Несмотря на доминирование представления о природе эпохи Модерна, в движениях вырабатываются новые культурные модели, коррелирующие с идеями глубинной экологии и «темной» экологии, пересматривающими традиционную оппозицию между человеком и природой.

Ключевые слова: энвайронментализм; новое социальное движение; экологическое движение; образ природы; постматериальные ценности; культурные представления; дискурс

ВВЕДЕНИЕ

Конец 2010-х гг. был отмечен очередной волной общественного интереса к экологической проблематике, актуализацией темы взаимоотношений человека и природы. В сентябре 2019 г. мир всколыхнула эмоциональная речь Греты Тунберг, заявившей о безответственности старшего поколения перед природой и человечеством; в начале

2020 г. мир потрясла пандемия коронавируса, продемонстрировавшая человеческий страх и незащищенность перед природой. В обоих случаях мы видим чрезвычайно яркое проявление напряжения между «человеком» или «человечеством» и «природой» как в первую очередь важнейшими онтологическими категориями. Различение «природного» и «культурного» (специфически человеческого) считается антропологами одним из базовых, оно проявляется на ранних этапах культурирования в конкретном виде (знаменитое противопоставление «сырого» и «приготовленного» К. Леви-Строссом). Однако интерпретация этого соотношения в различных культурах и в различные периоды не оставалась неизменной. «Природа» всегда являлась частью различных дискурсов — философского, естественно-научного, экономического, антропологического (включая медицину, педагогику, психологию), а в модерне и постмодерне — общественного, в том числе дискурса экологических движений.

Спектр экологических движений и организаций чрезвычайно широк, их многообразие сливается в пеструю и неоднородную картину. Экологические движения и организации можно отсортировать по темам: зоозащитные, в защиту биоразнообразия, против изменения климата, против загрязнения окружающей среды, в защиту отдельных природных объектов и т. д. Также они разделяются по репертуару действий — от умеренных до радикальных. При этом, помимо «очевидных» (заявленных) целей, движения реализуют и неявные, латентные социальные и культурные изменения. Поэтому основной вопрос в рамках данной статьи поставлен именно таким образом: за что же и только ли «за природу» борются социальные движения?

ПРИРОДООХРАННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Историю энвайронментализма возводят к далекому прошлому, однако деятельность по регулированию взаимоотношений человека и природы была, как бы глубоко мы ни заглядывали в историю, прерогативой правителей или правительств. Но уже в XIX в. появляются первые примеры общественной природоохранной деятельности, опирающейся на представления о природе эпохи романтизма, с одной стороны, и осмысление первых результатов индустриализации — с другой. Это такие организации, сохранившиеся по сей день, как Королевское общество защиты птиц (*Plumage League / Royal Society for the Protection of Birds (RSPB)*, Великобритания, 1889), Общество по борьбе с угольным дымом — ныне Общество защиты окружающей среды Объединенного Королевства (*Coal Smoke Abatement Society (CSAS)*, Великобритания, 1898), Национальный траст (*National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty*, Великобритания, 1893), Клуб «Сьерра» (*Sierra Club*, США, 1892).

Время появления подобных организаций способствует тому, что дискурс энвайронментализма в существенной мере основывается на современной установке противопоставления человека природе. Именно благодаря этому противопоставлению человек может «защищать» природу, «заботиться» о ней («просветительская» версия) или же «вернуться» к ней («романтическая» версия). При этом просветительская версия этой установки видит в природе ресурс, который необходимо использовать рационально. Этот принцип можно увидеть уже в природоохранных актах периода феодализма, заботе об охотничьих угодьях или лесах как источнике материала для строительства флота (Rootes, 2007: 612).

Такой подход до сих пор связывает природоохранную деятельность с интересами господствующих классов и делает ее частью идеологии консерватизма. В этом отношении характерно противостояние сторонников и противников охоты, в частности

в Великобритании 2000-х гг. в связи с жестким противостоянием сторонников и противников охоты на лис экологическая проблематика явно связана с противостоянием низших и высших классов, а также городской и традиционной сельской культуры. Охота как самобытный ритуал и одновременно традиционный способ регулирования видов, наносящих ущерб сельскому хозяйству, отстаивается высшими классами, а также сельскими жителями в противовес активистам, по преимуществу городским, выдающим в охоте жестокую забаву богачей.

В наибольшей степени природоохранный энвайронментализм связан с идеей «сбережения» дикой природы как ценного ресурса: в этой логике создавались заповедники, национальные парки, организовывалась охрана редких видов.

Хотя природоохранный дискурс был эффективен в обеспечении защиты дикой природы и значительных диких территорий на протяжении XIX и первой половины XX в., это «ограниченный дискурс» (там же: 612–613), который не стремился к более широким социальным изменениям в качестве условия защиты природной среды. Поэтому параллельно с ним развивался реформаторский энвайронментализм, связывавший благополучие человека с благополучием экосистем.

РЕФОРМАТОРСКИЙ ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ

Это направление опирается на такое же просветительское видение природы, однако побуждает уже не власти, а общественность обратить внимание на угрозы истощения или порчи (загрязнения) ресурсов, будь то пища, вода, воздух или материалы. Во второй половине XX и в XXI вв. на этой основе экологическая проблематика становится содержанием экологического движения и частью критики капитализма и неолиберализма: от критики политики корпораций до постановки вопроса об экологической справедливости (*environmental justice*) и заявления «права на природу» (Cortes-Vazquez, 2019: 203–204). Именно реформаторский энвайронментализм является доминирующим начиная с 1960-х гг. и по сию пору. Однако «просветительская» парадигма, которую он разделяет, сегодня представляет собой не вполне гомогенный набор идей и ценностей, связанных с интересами конкретных групп.

К этим группам можно отнести, во-первых, *институционализованные структуры* (неправительственные организации, некоммерческие общественные организации, политические партии, фонды, околовластные структуры — комиссии, советы и пр.). Большая часть экологических движений, существующих в институционализованных формах, опирается на аргументы естественно-научного характера и игнорирует социальные корни экологических проблем. В экологическом движении высока роль научного знания и тенденция к профессионализации работы. Именно из этой особенности вытекает высокая степень институционализированности экологического движения.

Однако согласно большинству определений социальных движений, они представляют собой «свободно организованные коллективы, действующие совместно в неинституционализованной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе» (Штомпка, 1996: 339). Поэтому, несмотря на весомый вклад организаций наподобие Фонда защиты дикой природы, чрезвычайно важной представляется деятельность активистов движений и их рядовых членов разной степени включенности. Исследователи подчеркивают, что экоактивизм (о нем можно говорить начиная примерно с 1960-х гг.) связан с высоким уровнем образования (Rootes, 2007: 618). Являясь частью молодежного студенческого движения, он ассоциируется со студентами естест-

венно-научных факультетов (в то время как основную роль в молодежном движении в целом играли студенты гуманитарных и социальных факультетов) (там же: 614). Таким образом, ядром экологического активизма является образованное население благополучных стран.

Что касается *массовой поддержки и низовой активности*, то носителями недовольства и инициаторами массовых акций нередко становятся малообразованные, но наиболее ущемленные группы. Чаще всего их интерес связан с угрозой их жизни, здоровью или материальному благополучию, и часто речь идет о разовых и локальных акциях.

Каждый из названных субъектов вкладывает свои специфические смыслы в ту экологическую деятельность, которой занимается.

Так, участники экологического движения, действующие в *институциональной форме*, ориентированы на оптимизацию существующей на данный момент системы, сведение рисков к минимуму — причем не только природных, но и экономических. Иными словами, между «устойчивостью» и «благополучием» они скорее ориентированы на благополучие (Emilsson, Johansson, Wennerhag, 2020). Парадигма «природоохранной деятельности», свойственная экологическим организациям, предполагает, как уже было сказано, современную установку господства человека над природой: человек противопоставлен природе — и именно поэтому может «защищать» ее, «заботиться» о ней, «вернуться» к ней и т. д. В то же время природа выступает как «проблема», отчасти вызванная деятельностью человека (загрязнение или изменение климата), отчасти стихийная (стихийные бедствия или вирусные заболевания). Интеллектуальные ресурсы человечества позволят ему преодолеть эти проблемы с помощью рационального расчета и научного знания.

Экологический активизм предполагает более радикальные перемены в рамках «глобального» подхода, утверждает «постматериальные» ценности, включая ценности биоразнообразия как такового, равенства различных видов. Так, разработанная в конце 1970-х «новая экологическая парадигма» говорит «о равенстве всех живых существ и *ограничении* их жизнедеятельности биофизической средой, о фундаментальном праве на существование всех» (Яницкий, 2006: Электронный ресурс). Это предполагает изменение образа жизни, символического и социального порядков, что характерно для так называемых новых социальных движений, о чем будет сказано далее.

Наряду с такой «культурно заряженной» установкой и в сложном взаимодействии с экологическим активизмом существует *общественная активность «снизу»*, включающая поддержку активистов, но не сводимая к ней. Она развивается в пределах локального подхода, ориентируется на материальные ценности и в первую очередь посвящена борьбе с непосредственными угрозами (нехватка ресурсов, низкое качество жизни или прямая угроза здоровью и благополучию). Социальная справедливость, право на ресурсы — основные сюжеты общественной борьбы «на местах».

Различия между тремя названными позициями связаны с историко-культурными изменениями. Важно отметить, что экологическое движение начиная с 1960-х гг. является частью контркультурного движения, основанного на идеологии «новых левых». С этого момента появляется более широкая интерпретация экологических проблем в контексте основных социальных структур и эксплуатации в целом (капитализма, колониализма и даже патриархальной идеологии — отсюда экофеминизм). Таким образом, потенциал экологических движений не сводится к выработке стратегий, благоприятствующих сохранению окружающей среды. Он также включает в себя

критический и даже протестный компонент, идею пересмотра структурных оснований современного общества — то, что Ален Турен называет «борьбой за историчность»: «Общественное движение — это одновременно культурно ориентированное и социально конфликтное действие некоего общественного класса, который определяется позицией господства или зависимости в процессе присвоения историчности, то есть тех культурных моделей инвестиции, знания и морали, к которым он сам ориентирован» (Турен, 1998: 88). Общественные движения (включая экологическое), подобно субкультурам, становятся формой «символического сопротивления», отсюда их специфическая характеристика как «движений идентичностей». В этом контексте природа представляет собой для них не столько проблему, сколько идеал, символ, насыщенный, в том числе, социальными и политическими коннотациями. Включаясь в экологическое движение, участники демонстрируют приверженность определенной системе представлений и ценностей (чаще постматериальных) и готовность участвовать в борьбе за ее распространение и гегемонию.

Чтобы продемонстрировать отличие стратегий локальных групп, продуктивно воспользоваться противопоставлением «общественного движения» и «борьбы», предложенным А. Туреном (там же: 82–83). В отличие от общественных движений — в формулировке большинства социологов это «новые» социальные движения (Buechler, 1995) — борьба связана с определенной группой и групповым интересом, носящим, как правило, материальный характер. Классическим примером «борьбы» можно считать рабочее и профсоюзное движения. Тогда как новые социальные движения ориентируются на требования культурного характера, затрагивающие все группы общества и часто пересматривающие весь социокультурный порядок (Штомпка, 1996: 348–349). Так, протесты против размещения мусорного полигона в конкретной местности можно считать борьбой, а движение за стопроцентную переработку отходов — общественным движением.

Интересно, что исследователи экологических движений в связи с этим разделяют проблемы окружающей среды на «зеленые» и «коричневые» (Rootes, 2007: 618). Первые, более «идеалистические» и абстрактные, связаны с угрозами «первозданной» природе и ассоциируются с эоактивизмом; вторые касаются проблем загрязнений и последствий природных катастроф и в большей степени волнуют население, столкнувшееся с ними. Включаясь своими акциями или поддержкой эоактивистов в экологическую борьбу, локальные группы борются прежде всего за собственное благополучие.

«ДВИЖЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ»

Возвращаясь к фундаментальной оппозиции человека и природы, следует отметить, что ее «романтический» вариант представлен идиллическим образом «зеленого» мира, но также получает свое развитие в пессимистическом взгляде на человечество как вид, наносящий природе непоправимый вред. Любое социальное движение ориентировано на изменения (прогрессивные движения) или препятствование изменениям (консервативные). Первые из них зачастую формируют некоторый «образ будущего», одной из версий которого может быть счастливое сосуществование цивилизации и природы, другой — будущее без человека и человечества.

Так, являющееся частью глобального энвайронментализма российское движение «ЭКА» в своем манифесте формулирует образы, в которых его участники видят «зеленый» мир будущего: «Полноценная и насыщенная жизнь людей в гармонии с при-

родой; подлинное и настоящее: еда, вода, воздух, отношения между людьми; «зеленая» экономика как экономика будущего, экоинновации и экотехнологии; новые пространства с доступной экоинфраструктурой (экополисы и экопоселения); в любом месте мира человек чувствует себя как дома»¹.

В то время как глобальное «Движение за добровольное вымирание человечества» (*VHEMT*), представленное и в России, — радикальный пример пессимистического взгляда: решение проблемы взаимодействия с природой ему видится в полном исчезновении человечества и возрождении планеты без человека. Прекрасная дикая природа, более не притесняемая человеком, возможность разным видам размножаться, вымирать и появляться согласно законам эволюции — тот утопический идеал, который каждый человек, согласно Движению за добровольное вымирание человечества, может реализовать уже сейчас, отказавшись от продолжения рода. К слову, ситуация с коронавирусной инфекцией сегодня зачастую трактуется в таком же «романтическом» духе: природа стремится избавиться от агрессора — человека; планета пытается урегулировать ситуацию с перенаселением.

Данное движение иллюстрирует важную черту «новых» социальных движений, о которой уже упоминалось: их ориентированность на формирование идентичностей через демонстрацию приверженности тем или иным ценностям. Эти ценности могут лежать в области защиты окружающей среды, однако при этом не предполагать массовой протестной деятельности.

Часто такие движения направлены на изменение в первую очередь самого индивида: предполагается необходимость «начать с себя», логика «малых дел». Небольшие экологические движения говорят о том, что достаточно начать самому разделять мусор, ограничить потребление, взять на передержку бездомное животное. Так, белорусское движение за раздельный сбор мусора «Цель 99%» объясняет собственное название следующим образом: «Да, почему не 100? Потому что никому не нужны красивые круглые цифры, написанные на бумаге. 99% — это символ того, что мы стремимся к максимуму, понимая при этом, что совершенства нет. Важна не просто конечная цель, а движение в нужном направлении <...> Желание, движение, процесс — вот самое главное!»²

Или, как в случае с *VHEMT*, просто не рожать больше детей: «Каждый раз, когда некий человек решает не прибавлять еще одного человека к миллиардам людей, уже незаконно присваивающих себе и опустошающих планету, появляется лучик надежды»³. Еще более индивидуализированные практики пермакультуры (перманентной агрокультуры), вегетарианства и веганства также можно отнести к этой части экологической деятельности.

Таким образом, через принадлежность к движению, даже условную, человек конструирует себя, усваивая и творчески перерабатывая предлагаемый движением набор идей и символов, а также приобщаясь к некоторому «мы» (Галушина, 2018). В то же время именно сформированная идентичность побуждает человека действовать в рамках заявленных движением ценностей и целей (Melucci, 2004).

КОНФЛИКТНОЕ ОСНОВАНИЕ ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМА

Итак, если вернуться к поставленному в статье вопросу, становится очевидным, что в рамках экологического движения люди борются за очень разные вещи. Понятие «природы» является здесь только центральным элементом в порядке дискурсов движения, в целом сохраняя свои базовые смыслы, сформировавшиеся в Новое время.

Поскольку речь идет об общественном движении, сущность экологической деятельности глубже — в социальном конфликте. В основе движения всегда лежит недовольство, и разные движения помещают свое представление об экологических проблемах и их решении в различные идеологические рамки исходя из разных интерпретаций данного конфликта.

Конфликт может восприниматься как *классово-экономический*, для которого ключевым моментом является порочная природа неограниченного индустриального производства. Экологические проблемы с этой точки зрения — производная от капиталистической экономики, а суть борьбы — в принуждении олигархической верхушки к ограничениям разными способами вплоть до радикальных. Проблема для движений, основанных на данном конфликте, состоит в плохой совместимости экологической и либеральной парадигм. Если первая тяготеет к эволюционности, постепенности, укорененности в «месте», то вторая связана с функциональными потоками (капиталов, природных ресурсов, людей, информации), носит ускоренный, скачкообразный характер (Яницкий, 2006: Электронный ресурс).

Вторая разновидность глубинных противоречий может быть истолкована как *социальный конфликт*. Суть его можно выразить в следующих тезисах: экологические проблемы связаны с социальным неравенством; основные риски ложатся на наименее обеспеченных и социально защищенных членов общества; необходимо справедливое распределение экологической «нагрузки». Названные черты тесным образом связаны с современным капитализмом, в особенности с такими его аспектами, как неолиберализм и глобализация, однако социальный конфликт ставит акцент уже не на индустриализме, а на нарастающем неравенстве, в том числе в отношении «права на природу». Часть движений в этом смысле апеллирует к «левой» повестке, с одной стороны, и регулирующей роли государственных институций — с другой.

Проявилось также *поколенческое* измерение конфликта: с точки зрения молодых активистов, старшее поколение проявило фатальную нерешительность; молодым необходимо принудить правительства к более решительным мерам. «Как давно отметили Каттон и Данлэп, — пишет один из немногих российских специалистов по экологическим движениям О. Н. Яницкий, — современные экологические конфликты — это столкновения между настоящими и будущими поколениями за ограниченные ресурсы конечной экосистемы Земли» (там же). Впервые после 1960-х гг. с появлением на сцене энвайронментализма Греты Тунберг экологическая проблематика снова была увязана с поколенческим разрывом. В отношении проблемы климатических изменений «отцы» и «дети» выступают как ответчик и истец соответственно. «Поколенческая» интерпретация экологической темы, по-видимому, является потенциально мощным двигателем современного энвайронментализма. Значима здесь не столько сама фигура Греты, сколько масштаб вдохновленного ей движения *Fridays for future* — «Пятницы ради будущего», объединившего школьную и студенческую молодежь по всему миру.

И наконец, *культурная* трактовка конфликта, подразумевающая необходимость выработать новые культурные модели, опирающиеся на иные ценности, образ мышления и повседневные практики, делать эти модели привлекательными. Можно было бы назвать эту сторону конфликта борьбой за гегемонию в дискурсивном пространстве. В первую очередь на этом уровне формируются различия между способами представлять будущее и заявлять о себе, вырабатываются новые повседневные сценарии и практики. Так, О. Н. Яницкий видит в появлении «новой экологической пара-

дигмы» социокультурный слом, поскольку ее постулаты, «вольно или невольно, направлены и против некоторых канонов христианства, и против идеологии технократизма, сциентизма и концепции потребительского общества» (там же).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, через взаимодействие с «природой» люди реализуют свои экономические, социальные, политические и культурные цели и ценности, и уже при первом приближении борьба «за экологию» предстает как борьба за экономические, социальные и, главное, культурные модели, в рамках которых человечество представляет себе свое существование в XXI в. На смену нововременной концепции природы, все еще остающейся смысловым центром энвайронментализма, приходят новые, заявленные, но не вполне реализованные, ждущие своего осмысления культурные проекты — такие, как заявленная еще в 1970-е гг. глубинная экология (Розенберг, 2012) или возникшая уже в XXI в. «темная экология» Т. Мортон (Мортон, 2019ab). В данных теориях, что важно для проблематики данной статьи, пересматривается принципиальная оппозиция «человек — природа», определявшая характер экологических движений до настоящего времени. Их соотношение с современными экологическими движениями — предмет самостоятельного будущего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Манифест движения «ЭКА: Зеленое движение России» [Электронный ресурс] // ЭКА. Зеленое движение России. URL: <http://ecamir.ru/Manifest-Dvizheniya-EKA.html> (дата обращения: 25.03.2020)

² Манифест движения «Цель 99%» [Электронный ресурс] // Цель 99%. URL: <http://target99.by/> (дата обращения: 25.03.2020).

³ О движении [Электронный ресурс] // Движение за добровольное вымирание человечества. URL: <http://www.vhemt.org/raboutvhemt.htm> (дата обращения: 25.03.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галушина, Н. С. (2018) Механизмы формирования идентичности в социальных движениях: на материале русскоязычного Интернета // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 8 (41). С. 134–154.

Мортон, Т. (2019a) Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом // Логос. Т. 29. № 5. С. 57–70.

Мортон, Т. (2019b) Статья экологичным. М. : Ад Маргинем Пресс. 240 с.

Розенберг, А. Г. (2012) Августовские тезисы о социальной и глубинной экологии // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 21. № 2. С. 195–220.

Турен, А. (1998) Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир. 204 с.

Штомпка, П. (1996) Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс. 416 с.

Яницкий, О. Н. (2006) Экологическая парадигма как элемент культуры [Электронный ресурс] // Институт социологии Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/yanicki.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

Buechler, S. (1995) New Social Movement Theories // The Sociological Quarterly. Vol. 36. No. 3, June, P. 441–464.

Cortes-Vazquez, J. A. (2019) Against Neoliberal Natures: Environmental Movements, Radical Practice and “the Right to Nature” // Geoforum. Vol. 98, January. P. 202–205.

Emilsson, K., Johansson H., Wennerhag M. (2020) Frame Disputes or Frame Consensus? “Environment” or “Welfare” First Amongst Climate Strike Protesters // *Sustainability*, 12(3), 882. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12030882>

Melucci, A. (2004) The process of collective identity // *Social movements and culture* / H. Johnston and B. Klandermans (eds). University of Minnesota Press. 296 p. Pp. 41–63

Rootes, Ch. (2007) Environmental movements // *The Blackwell Companion to Social Movements* / David A. Snow, Sarah A. Soule, and Hanspeter Kriesi (eds.). Blackwell Publishing Ltd. 763 p. P. 608–640.

Дата поступления: 26.03.2020 г.

WHAT ARE THEY FIGHTING FOR? THE SOCIOCULTURAL DIMENSIONS OF ENVIRONMENTAL MOVEMENTS

N. S. GALUSHINA

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article deals with the issue of explicit (related to the concept of “nature”) and implicit (having a sociopolitical or cultural basis) requirements of environmental movements. In general, the existing movements are based on the idea of nature, characteristic of the European culture of the Modern era, in its “Enlightenment” and “romantic” versions.

The earliest form of environmentalism is preservationism as a direct reflection of the Enlightenment model of nature. The preservation paradigm is conservative and focuses on traditional practices and the idea of protection and conservation of nature.

The reform environmentalism that developed in the twentieth century is based on a similar perception of nature, but it raises the question of the social aspects of the ecological crisis and formulates the requirements of environmental justice and equality. Goals and strategies in reform environmentalism are not homogeneous and depend on the groups of participants. Institutions adhere to a strategy of minimizing risks, including economic ones, and focus on scientific discourse and political actions. Activists participate in the revision of cultural models and related sociopolitical grounds (critics of industrialism, globalism, and neoliberalism). Local grassroots initiatives are focused on solving specific problems that threaten the well-being of citizens. Within environmental movements, new values, ideological models and practices are being developed, which become the basis for the participants’ personal and collective identity.

The author concludes that the main features of environmental movements are determined not solely by concern for nature but by deeper conflicts — class, economic, social, generational or cultural. Despite the dominance of the Modern era concept of nature, new cultural models are developed in the movements that correlate with the ideas of deep ecology and “dark” ecology, which redefine the traditional opposition between human and nature.

Keywords: environmentalism; new social movement; environmental movement; concept of nature; postmaterial values; cultural ideas; discourse

REFERENCES

Galushina, N. S. (2018) Mekhanizmy formirovaniia identichnosti v sotsial’nykh dvizheniiax: na materiale russkoiazynchnogo Interneta. *Vestnik RGGU, Issue Istoriia. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie*, no. 8 (41), pp. 134–154. (In Russ.).

Morton, T. (2019a) Rod chelovecheskii: solidarnost’ s nechelovecheskim soobshchestvom. *Logos*, vol. 29, no. 5, pp. 57–70. (In Russ.).

Morton, T. (2019b) *Stat’ ekologichnym*. Moscow, Ad Marginem Press. 240 p. (In Russ.).

Rozenberg, A. G. (2012) Avgustovskie tezisy o sotsial’noi i glubinnoi ekologii. *Samarskaia Luka: problemy regional’noi i global’noi ekologii*, vol. 21, no. 2, pp. 195–220. (In Russ.).

Turen, A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. Ocherk sotsiologii*. Moscow, Nauchnyi mir. 204 p. (In Russ.).

Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial’nykh izmenenii*. Moscow, Aspekt Press. 416 p. (In Russ.).

Ianitskii, O. N. (2006) *Ekologicheskaja paradigma kak element kul'tury*. *Institut sotsiologii Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo tsentra Rossijskoi akademii nauk* [online] Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/yanicki.pdf> (access date: 25.03.2020). (In Russ.).

Buechler, S. (1995) New Social Movement Theories. *The Sociological Quarterly*, vol. 36, no. 3, June, pp. 441–464.

Cortes-Vazquez, J. A. (2019) Against Neoliberal Natures: Environmental Movements, Radical Practice and “the Right to Nature”. *Geoforum*, vol. 98, January, pp. 202–205.

Emilsson, K., Johansson H. and Wennerhag M. (2020) Frame Disputes or Frame Consensus? “Environment” or “Welfare” First Amongst Climate Strike Protesters. *Sustainability*, 12(3), 882. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12030882>

Melucci, A. (2004) The process of collective identity. In: *Social movements and culture* / H. Johnston and B. Klandermans (eds). University of Minnesota Press. 296 p. Pp. 41–63.

Rootes, Ch. (2007) Environmental movements. In: *The Blackwell Companion to Social Movements* / David A. Snow, Sarah A. Soule, and Hanspeter Kriesi (eds.). Blackwell Publishing Ltd. 763 p. Pp. 608–640.

Submission date: 26.03.2020.

Галушина Наталья Сергеевна — кандидат культурологии, заведующая кафедрой социокультурных практик и коммуникаций факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6. Тел.: +7 (495) 250-68-27. Эл. адрес: galushiny@yandex.ru

Galushina Nataliya Sergeevna, Candidate of Culturology, Head, Department of Social and Cultural Practices and Communications, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities. Postal address: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation, GSP-3, 125993. Tel.: +7 (495) 250-68-27. E-mail: galushiny@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2020.2.11

Искусство и экофилософия: ленд-арт как феномен культуры

А. Р. КОЖАРИНОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлен культурфилософский анализ ленд-арта — направления в искусстве, появившегося во второй половине XX в.

Анализируются причины появления этого направления в искусстве: отчуждение человека индустриальной цивилизации от природы и глобализация экологических проблем в последней трети XX в. Рассматриваются особенности ленд-арта, к главным из которых можно отнести следующие. Во-первых, путем фиксации на холистическом подходе к системе «человек — природа — культура» в искусстве земли наблюдается снятие закрепленной еще античными философиями оппозиции «культура — натура». Во-вторых, в качестве средств художественной выразительности авторами используются принципиально новые для искусства материалы растительного и животного характера (вплоть до микроорганизмов, которые продуктами своей жизнедеятельности могут, к примеру, создавать фон произведения искусства). В-третьих, специфические техники создания произведений ис-